

А.Л. Цуканов

Живаго

Живаго Юрий Андреевич — герой романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» (1946–1956). О прототипе Живаго сам Пастернак в 1947 году сообщал следующее: «Я пишу сейчас большой роман в прозе о человеке, который составляет некоторую равнодействующую между Блоком и мной (и Маяковским, и Есениным, быть может). Он умрет в 1929. От него останется книга стихов, составляющая одну из глав второй части. Время, обнимаемое романом, — 1903–1945. По духу это нечто среднее между Карамазовыми и Вильгельмом Мейстером». О. Ивинская свидетельствует, что само имя «Живаго» возникло у Пастернака, когда он случайно на улице «наткнулся на круглую чугунную плитку с “автографом” фабриканта — “Живаго”... и решил, что пусть он будет такой вот, неизвестный, вышедший не то из купеческой, не то из полуинтеллигентской среды; этот человек будет его литературным героем».

По воспоминаниям Цветаевой, Пастернак еще в 1918 мечтал о «большом романе: с любовью, с героиней». В рукописях ранних набросков прозы начала 1910-х во фрагменте, носящем название «Смерть Реликвимини», встречается вариант имени — поэт Пурвит (от искаж. франц. — *pour vie* — ради жизни). В 1930-х Пастернак создает фрагменты романа под названием «Записки Патрикия Живульта» (смысловое значение этого имени можно понять как «рыцарь жизни»). Все эти имена — Пурвит, Живульта, Живаго — составляют эмблематическую триаду, символизирующую претворенную в творчестве Пастернака «философию жизни» (наиболее известный сборник стихов поэта — «Сестра моя, жизнь»). Существует также «историко-грамматическая» трактовка имени Живаго — как прилагательное в церковнославянском языке в родительном падеже. Название романа в таком случае приобретает также символический оттенок: «доктор живого», «доктор жизни», «лечащий жизнь».

Духовным прототипом Живаго является сам Пастернак, роман же — это «автобиография не внешних обстоятельств, но духа». Нельзя не учесть и тот факт, что начало работы над романом совпало у Пастернака с завершением перевода «Гамлета» Шекспира. (Февралем 1946 датируется первый вариант стихотворения «Гамлет», открывающего «Тетрадь Юрия Живаго».) Сам процесс написания романа был практически синхронен процессу перевода «Фауста» Гете. (Фауст — доктор, и Живаго — доктор, врач.) Образ Живаго — это образ человека, живущего в эпоху, когда «распалась связь времен», он близок Гамлету, понятому Пастернаком как жертва («драма долга и самоотречения»), волею судьбы избранная «в судьи своего времени и в слуги более отдаленного». Но в отличие от Гамлета у него нет желания «умереть, уснуть» — он осознает себя человеком, которому необходимо нести на себе всю тяжесть и радость жизни — не «шагать в ногу», а лечить больных духом и телом.

Многие исследователи романа ставят вопрос: был ли Живаго «слабым» или «сильным» героем, личностью? С точки зрения «физической активности», давления на мир, Живаго, безусловно, «слабый» герой (Ахматова, например, упрекала Пастернака в том, что его Живаго является «мячиком между историческими событиями»). Однако сам Пастернак, по-видимому, исходит из философского и религиозного понимания силы — как силы прежде всего нравственного противостояния злу, силы, требующей осознания и принятия решения. В этом отношении Живаго «сильный» герой. Он выживает в двух войнах, не допустив при этом ничего безнравственного, после трех попыток все же уходит из отряда красных партизан, пишет книги, которых ему никто не заказывал.

Пастернак, считавший, что «ничем, кроме движущегося языка образов... не выразить себя силе, длительной лишь в момент явления», при создании образа Живаго обращается именно к слову, магическая и необъяснимая сила которого, как он полагал, помогла Гете

создать образ своего Фауста. Пастернак, как и Гете, хочет, чтобы его герой «чутьем, по собственной охоте» вырвался бы «из тупика». Соблазном здесь выступает не Мефистофель, а опасность спутать «свою, личную» революцию с революцией «другой, всеобщей». Этому соблазну поддается герой-антипод Живаго — Антипов-Стрельников-Расстрельников, погружающийся в хаос ненависти и мести, приводящий к самоубийству. (Некоторые исследователи усматривают в образе Антипова параллели с пастернаковской оценкой «позднего» Маяковского.)

Образ Живаго выражает пастернаковскую концепцию «витализма», «жизненности». Живаго воспринимает жизнь через жизнь каждого человека, каждой вещи, каждого места — и всей вселенной: «И не то, чтоб говорили одни только люди. Сошлись и беседуют звезды и деревья, философствуют ночные цветы и митингуют каменные здания». В этом смысле Живаго — не только эпический, но и лирический герой. В романе Живаго еще и поэт, «человек с очень сильным творческим началом, как у врача А.П. Чехова». Но Живаго считает, что «искусство не годится в призвание, как не может быть профессией прирожденная веселость или склонность к меланхолии». По-особому раскрывает автор характер своего героя в его взаимоотношениях с женщинами. Главным фактором здесь выступает не любовь, а непреодолимое никакими внешними обстоятельствами стремление Живаго к жизнеустройству, к созданию атмосферы дома, семьи (в фактическом, а не в формальном смысле), к появлению детей (у него дети и от жены Антонины, и от Лары, и от Марины). Сама смерть Живаго наступает именно после того, как он уходит от Марины по наущению своего «таинственного» двоюродного брата Евграфа Живаго (его образ имеет явные параллели с образом гетевского Мефистофеля).

Живаго становится обобщенным образом русской интеллигенции в революции и после нее, он олицетворяет ее продолжение и гибель. В нем нашли отражение и религиозно-философские искания в духе Л. Толстого, и раздвоенность мечущейся души, по Достоевскому, наконец, он являет собой тип «чеховского врача». Живаго стал своеобразным итоговым образом, замыкающим цепочку героев русской классики: Евгений Онегин, Печорин, Мышкин, братья Карамазовы, Андрей Болконский, Пьер Безухов, Левин, Обломов, герои Чехова и Бунина.